

БЛАГОДЕТЕЛЬ СЛЕПЫХ

Окончание. Начало читайте в №№ 11, 12 за 2023 год.

Для пешеходов и бродяг
Любая дальняя дорога
Начнётся, если сделать шаг,
Сойдя с привычного порога.
Нас ждёт великая стезя,
Просёлок, трасса или тропка?
Сказать заранее нельзя,
А потому ступаем робко
По лабиринтам перемен.
Нередко рушимся в скитаньях,
Но поднимаемся с колен,
Запятав ссадины в рыданьях.
Крутые риски нипочём
В азарте мчащемся ретиво,
Так значит, будет всё путём,
Пока не свалимся с обрыва!

Поныне братьями Гаюи гордятся в родной им Пикардии. Ещё 120 лет назад там была воздвигнута скульптурная композиция, в художественной манере отразившая научные достижения прославленных земляков. Вполне логично, что запечатлённый в бронзе Валентин сидит, ласково прижимая к себе слепого ребёнка, а рядом стоит Рене-Жюст с крупным кристаллом в руках.

Базовые знания дружные родственники получили в школе местного монастыря. Затем старший из них, по-

лучив классическое и духовное образование, стал католическим священником, а параллельно преподавал гуманитарные науки и физику в парижском Коллеже кардинала Лемуана. Близкое общение со святыми отцами повлияло и на формирование мировоззрения будущего подвижника Божьей милостью, а воспитание в духе гуманизма вызвало у него искренний интерес к социальным противоречиям и «признанию страждущих». Отчасти представить глубину его детских впечатлений должна помочь выразительная лирика Михаила Суворова:

«Вновь разом взрослея глазами,
Как это умеют мальцы,
Он молча следил за слепцами.
Влеклись бичевою слепцы.
Тревожно соседи вздыхали,
Крестились тайком неспроста
И в руки каликам совали
Гостинец, во имя Христа...»

В промежутках между разбором зашифрованных депеш и заседаниями экспертной комиссии молодой полиглот на дипломатической службе скрупулёзно изучал знаменитое «Письмо о слепых в назидание зрячим». В нём философ Дени Дидро убедительно доказал, что тотальники способны к самым сложным видам профессиональной деятельности, компенсируя утраченное зрение тифлотехническими средствами. Энциклопедист интересно рассуждал о психофизических особенностях и этике поведения людей с «ущербными глазами». По-

черпнутые знания оказались архиполезными, неоднократно выручая Валентина Гаюи в его сложной жизни.

Однажды уже в Российской Империи к зарубежному кудеснику явилась очень напористая барыня и слёзно упростила взять на обучение дочь, глухонемую от рождения. В нестандартной ситуации пригодился опыт сорокалетней давности, приобретённый на краткой стажировке в уникальной школе аббата Шарля Мишеля Делепе, заложившего основы сурдопедагогики. На публичном испытании 11 мая 1810 года наставник мелом на доске написал предложение с неточной расстановкой знаков препинания и орфографическими ошибками. Улыбаясь, девушка быстро и непринуждённо исправила все намеренные погрешности текста. Явный успех доказал перспективность обучения неслышащих бедолаг, убедив даже завзятых скептиков, до того сомневавшихся в их умственных способностях. В результате у специалиста широкого профиля появилось ещё несколько очень молчаливых учеников, включая наследницу влиятельного генерала И.И. Михельсона.

Об этом примечательном событии поведал инвалид Великой Отечественной войны и слепой библиограф Марат Бирючков в своей интереснейшей монографии «Силуэты», датируемой двухтысячным годом, которую выпустило Издательство «Молодая гвардия». В чрезвычайно насыщенном фактами научном труде увлекательно изложена и вовсе уж невероятная история о потрясающем универсализме природного создателя, не-

которые разработки которого так и не нашли реального применения. Чтобы не быть голословным, приведу соответствующую цитату:

«На протяжении нескольких десятилетий Валентин Гаюи, человек разносторонних интересов, с увлечением работал над усовершенствованием телеграфа. Первым, кто познакомился с моделью его устройства, был президент Петербургской Академии наук граф Н.Н. Новосельцев. Изобретением заинтересовался и морской министр, член Государственного совета П.В. Чичагов. Опытный образец телеграфного аппарата проходил испытание на линии связи между Петербургом и Кронштадтом...»

Несомненно, в своих социальных экспериментах продвинутый тифлопедагог опередил время! Причём буквально выгорая на благородном поприще облегчения участи страждущих, он к 72-м годам серьёзно повредил собственное здоровье и в апреле 1817 года подал новому министру народного просвещения А.Н. Голицыну прошение об отставке, а уже летом возвратился на берега Сены. Только вот убеждённый последователь энциклопедистов в своём Отечестве оказался «лишним». Трагедия старика, внезапно полностью лишившегося зрения, усугублялась невозможностью побывать в Парижском институте, который после разгрома бонапартистов возобновил свою деятельность. Разумеется, там по-прежнему в основном применялись образовательные принципы Валентина Гаюи, а преподававшие в

нём незрячие учителя с трепетом относились к боготворимому кумиру, когда-то буквально вырвавшему их из бесправия и нищеты. Однако великого гуманиста предусмотрительные чиновники на подведомственную территорию элитного учреждения так и не допустили. К тому же беспардонные представители администрации обвинили аполитичного миссионера от науки в симпатиях к революционерам, что было попросту нелепо, ведь он лично встречался минимум с четырьмя монархами, которые неизменно восторгались достижениями «ущербных глазами» отроков.

Правда, создатель журнала «Жизнь слепых» Александр Белоруков на страницах исторического повествования «Путями веков» утверждал, что в 1792 году подопечные бескорыстного учёного зажигательным пением «Карманьолы» и музыкой слаженного оркестра дружно вдохновляли яростных санкюлотов, громивших дворцы аристократов. Наверняка категорический отказ применять телесные наказания в отношении школяров тоже подпортил репутацию несгибаемого пропагандиста грамотности среди бедняков с дефектами зрения.

Самозабвенный теоретик и практик «окультуривания тёмных масс» скончался 19 марта 1822 года и был без особого шума похоронен на знаменитом кладбище Пер-Лашез. Государственные служащие и записные жертвователи ухода гениального тифлопедагога попросту не заметили, зато вполне достойный гранитный памятник на его могиле вскладчину поставили незрячие учителя,

щёточники, корзинщики, шарманщики, скрипачи, органисты и даже нищие.

Почему-то сильные мира сего гораздо лучше относятся к знаковым покойникам, чем к их ещё живым воплощениям. Словно подтверждая грустноватый постулат, 10 августа 1861 года перед зданием национального института для слепых детей был воздвигнут солидный монумент, посвящённый моральному подвигу бескорыстных покровителей маломобильных граждан. Таким образом, вроде бы запоздалая справедливость была восстановлена, впрочем, и на этот раз верные соратники получили место лишь у входа в «обитель учёности». Надо заметить, что на солидный пьедестал поместили не только мудрого наставника, но и его «дебютного подопечного», который вплоть до мая 1784 года ежедневно собирал скудную милостыню на паперти церкви «Святые Камни».

Настойчивые уговоры Валентина Гаюи всё-таки разбудили природное любопытство семнадцатилетнего Франсуа Лезюэра. Вырвавшись из цепких лап трясины безнадёги убогого уклада, он решительно перебрался на квартиру наставника, регулярно выплачивавшего скромную компенсацию его престарелым родителям, без грошового вспомоществования от побиравшегося сына терявшим единственный источник пропитания. Слепой от рождения юноша был чрезвычайно сметливым и за полгода овладел несколькими простыми ремёслами, научился немного играть на клавесине, а так-

же в уме решать простенькие арифметические задачи. Уже 12 февраля 1785 года «звёздную парочку» пригласили в Парижскую академию наук, где с блеском были продемонстрированы отличные результаты обучения по слуху и на ощупь. С того дня меценаты из высшего общества стали оказывать реальную поддержку «социальному проекту».

Даровитый тотальник впоследствии десятки лет был надёжной опорой мэтра, заслуженно заняв должность младшего учителя, а заодно и заведующего библиотекой. В «голодные годы» статусный образовательный центр существовал в основном на средства, добытые трудом воспитанников. Причём экономом своеобразной «коммуны незрячих мастеров» тоже был как раз Лезюэр. Будучи энергичным администратором и незаурядным организатором, он для помощи обездоленным ребяташкам вручил министру народного просвещения две тысячи франков слепецких сбережений. По-видимому, кроме всего прочего, трудоголик имел непосредственное отношение к созданию и распространению универсального унциала, прославившего Гаюи. Легенда гласит, что молодой человек однажды на обратной стороне пригласительного билета из плотной бумаги случайно нащупал слегка выступавший текст и даже распознал некоторые буквы, с очертаниями которых уже был знаком по вырезанным и подвижным деталям рельефного алфавита, подаренного ему обожаемым шефом. Обра-

дованный Франсуа с гордостью объявил о своём замечательном открытии. Однако, всё не так просто!

Дело в том, что древнегреческий философ Дидим Александрийский по прозвищу Слепой ещё в четвёртом веке изобрёл практически идентичный способ чтения с помощью «разрезной деревянной азбуки», где изображения лингвистических знаков и цифр были выпуклыми. Конспекты важных мыслей он кратко фиксировал на восковых дощечках тонкой палочкой и при необходимости свободно разбирал записи, чему способствовало развитое осязание. Известны и другие примеры применения подобных разработок при персональном обучении богатых и знатных незрячих.

В общем-то, теперь можно лишь догадываться, в какой мере Валентин Гаюи был поначалу осведомлён об индивидуальных достижениях великих рационализаторов, его опередивших. Как бы то ни было, получив мощный интеллектуальный импульс, он начал тщательно разрабатывать перспективный материал и тут же вспомнил, что ещё в 1771 году на Вандомской площади наблюдал за выступлением слепых музыкантов, обряженных в шутовские костюмы. Причём, пока с десятков замаскированных оркестрантов развлекали толпу ярмарочных зевак, самый бойкий собирал пожертвования, с необычайной ловкостью различая монеты на ощупь. Тогда наивный мечтатель не сделал очевидных выводов, но примечательный факт не забылся.

Очередным чувствительным толчком к углублённому изучению проблемы ликвидации вопиющей безграмотности среди «недужных слоёв населения» стало знакомство с незрячей австрийской пианисткой Марией Терезией Парадис, гастролировавшей в Париже. Выяснилось, что превосходно образованная виртуозка пользовалась особым шаблоном и фигурными нотами, изготовленными специально для неё искусным резчиком. Разумеется, состоятельная девушка из очень влиятельной семьи могла себе позволить огромные траты на собственную реабилитацию. А как быть многочисленным беднякам, окутанным беспросветной тьмой?

На этот животрепещущий вопрос спустя четверть века уже в столице России дал практический ответ Шарль Фурнье, являвшийся последним преданным ассистентом Валентина Гаюи. Надо сказать, что в специальном учебном заведении музыкальной частью руководил незрячий пианист и композитор А.Д. Жилин. Он хорошо импровизировал и пел, а главное — умело дирижировал хором и оркестром, в репертуаре которых находились и его авторские произведения, например: «Как на дубочке два голубочка» и «Всяк в своих желаньях волен». Корреспондент журнала «Северный Меркурий» в 1809 году писал:

«Я удивлялся капельмейстеру сего Института... Чрезвычайно острая его память, пылкое воображение и природное дарование обращает на него общее внимание всех посетителей. Можно видеть большие успехи в

учениках его, которым также надобно отдать справедливость за их прилежание, усердие и трудолюбие. Всем любопытно видеть, каким образом господин Жилин раздаёт ученикам свои партии из какой-нибудь новой пьесы. Он начинает играть оную на фортепьяно. Господин Фурнье слушает и набирает выпуклые свинцовые цифры, служащие ему вместо нот. Как скоро первый голос для скрипки будет совсем готов, оттиснув его в станке, даёт текст учить слепому мальчику, который, ощупав два или три раза все знаки, имеет уже навсегда в памяти тот мотив и может играть эту музыку на своём инструменте...»

Кстати, сопровождая мэтра Гаюи в изнурительном путешествии к новому месту службы транзитом через Берлин, юный парижанин уже продемонстрировал эквивалентную «интеллектуальную эквилибристику» и ремесленные навыки в присутствии прусского короля Фридриха Вильгельма Третьего, его придворных и учёных мужей. Показательные выступления произвели фурор. Повзрослевший Фурнье был спутником любимого патрона и на обратном пути во Францию, а возвращаться в Россию не захотел, хотя и приглашали. Даровитый специалист, накопивший немалый педагогический опыт, легко нашёл себе работу в столичном Институте. Профессор Нольтетус в очерке «История шрифта для слепых» упоминает о нём, заявляя, что именно Шарль приспособил «доску Брайля» для двухстороннего письма.

Считается, что почти всё новое — это хорошо забытое старое. Вот и здесь гигантский рывок тотальников и слабовидящих в лоно цивилизации произошёл не на пустом месте. Строго говоря, Валентин Гаюи не являлся единоличным изобретателем способа рельефно-линейного письма. Зато, несомненно, именно ему принадлежит честь массового внедрения общедоступного печатания книг для чтения перстами. Конечно, сам Луи Брайль тоже постигал алфавитные секреты по «Краткой французской грамматике», изданной унциалом.

Теоретически талантливый паренёк мог встречаться с легендарным основоположником тифлопедагогике, но достоверных свидетельств этому не обнаружено. Зато совершенно точно сын шорника общался с другим прямым предшественником, так как через два года после его поступления в Институт там на полном серьёзе приступили к изучению тактильной «ночной азбуки» Шарля Барбье, которую за ненадобностью уже отвергли генералы. Хотя, казалось бы, задумка перспективная, ведь фиксация сведений осуществлялась путём прокалывания отверстий в картоне, а потому офицеры могли «нащупывать» текст в темноте и прямо на позиции. Однако изобретение артиллерийского капитана в отставке устойчиво функционировало исключительно в тепличных условиях. К тому же оно ориентировалось на фонетическое письмо без соблюдения правописания и пунктуации. Каждый звук изображался сочетанием нескольких точек из двенадцати возможных, сгруппированных в

двух вертикальных колонках. Причём замысловатая комбинация под подушечкой пальца целиком не помещалась, а главное — в рамках системы нельзя было воспроизводить цифры и ноты, что и поставило на её массовом внедрении жирный крест.

При личном знакомстве двенадцатилетний Людовик предложил ряд усовершенствований, но амбициозный и упёртый солдафон их отверг. Тогда подростку захотелось попытаться решить задачу по-своему, что довольно скоро и удалось! Напомню, как всё тот же советский самородок отозвался о гениальном творении недюжинного ума:

«Да! Начало прозвучало!

Да! Работал Гаюи!

Но у всякого начала

Тупики всегда свои...

Друг тебя услышать хочет,

О тебе тоскует мать...

Написать бы пару строчек,

Но слепому как писать?

Зря во мне росла тревога

Под колёсный перепляс...

Пусть негладкая дорога,

Но дорога есть у нас!

Я кладу на книжку пальцы,

Чуть дыханье затаив:

Пальцы, пальцы, понимальцы,

Выручальцы вы мои...»

Между тем, избавившись от настырного директора, ретрограды из Министерства народного просвещения в прогрессивном детище креативного иностранца сразу же заменили популярные уроки французского языка зубрёжкой отрывков из Библии, а время остальных занятий резко сократили. Вскоре нерадивым бюрократам и вовсе надоело постоянно выписывать жалование преподавателям и стипендии воспитанникам, а ещё проверять и оплачивать многочисленные счета. Не удивительно, что в 1819 году Санкт-Петербургский Институт работающих слепых был передан в исключительное ведение Совета Императорского человеколюбивого общества, по сути, став привилегированной богадельней. Через несколько месяцев там уже «призревалось» 23 разновозрастных калеки, лишённых зрения и неспособных к самостоятельным заработкам. По субъективному выбору попечителей, только «весьма одарённых» из них обучали элементарной грамоте да православной музыке.

К сожалению, во многом повторилась печальная ситуация, уже возникавшая на треть века раньше. Тогда, позволив переименовать «Ателье слепых» в «Королевский институт», Людовик XVI распорядился перевести материально-хозяйственную часть учреждения под контроль «Филантропического общества». Ретивые доброты тотчас одели незрячих учащихся в одинаковые костюмы с узорчатыми пуговицами, заставив их бесплатно петь в католическом соборе.

Хорошо, хоть обучение ребят по-прежнему вёл сам Гаюи, получавший за титанический труд вместо достойного денежного вознаграждения крошечную пенсию персонально от венценосца. В изменившихся условиях наличие харизматичного лидера помогло довольно быстро реорганизовать образовательный процесс, а на Руси без авторитетного просветителя кризис оказался более мучительным, затянувшись на полстолетия.

Естественно, после отмены крепостного права стали появляться общественные деятели, журналисты и благотворители, принимавшие близко к сердцу народные горести. Среди них вдумчивой предприимчивостью выделялся Александр Скребицкий, который уверенно утверждал: «Печатание рельефом как дело по своим техническим приёмам специальное лежит, конечно, на обязанности центрального учреждения, задавшегося устройством участи слепых, в том числе их обучением. Данное условие является прямою необходимостью в стране, где частные типографии не знакомы с этим делом, а если бы и согласились применить к нему, то вследствие отсутствия конкуренции пользовались бы своим монопольным положением, и печатание книг стоило бы очень дорого...».

Будучи членом-учредителем Совета «Мариинского попечительства» и вполне искренне сочувствуя «информационному голоду» людей с дефектами зрения, замечательный офтальмолог «на досуге» разработал так называемый «Большой унциал Скребицкого». Слег-

ка укрупнённые и упрощённые литеры были отлиты в самой Вене, а набор и печать взяла на себя элитная типография «Экспедиции заготовления государственных бумаг» в Санкт-Петербурге. Символично, что в конце 1882 года на свеженьком уникальном оборудовании тиражом 300 экземпляров была выпущена «Первая книга для чтения из детского мира Константина Ушинского». Увы, несмотря на образцовое качество, данное издание так и осталось единственным в своём роде раритетом. Это и понятно, ведь в Европе уже вовсю пользовались рельефно-точечным шрифтом. С некоторой задержкой в России тоже начиналась эпоха безраздельного доминирования системы Брайля. Однако в провинциальной глубинке довольно долго не хватало новомодных изданий, поэтому там ещё несколько десятилетий при необходимости пользовались и «унциальными томами», хотя имя основоположника тифлопедагогики было напрочь забыто. Правда, неутомимый А. Скребицкий вновь оказался на высоте и в 1886 году опубликовал созданную на архивных материалах книгу «Создатель методов обучения слепых Валентин Гаюи в Петербурге».

В поту, как истинный борец,
Подвижник вкалывал седея.
Вот слита с явью, наконец,
Овеществлённая идея.
Порою в муках рождена,
Она выходит без изъяна,

А в том не автора вина,
Что слишком часто безымянна.
Творец шедевров иногда
Молвой выносятся за скобки,
Во мгле реальности тогда
Тиски объятий слишком знобки!
Не согревает тишина
На изоляции забвений.
Возможно, пауза нужна,
Чтоб стал понятней скромный гений!

Владимир Бухтияров